

От темной экологии к философии размытого мира

МЫ ЖИВЕМ в мире странных объектов. Глобальное потепление, мировой рынок, аутоиммунные заболевания, многочисленные формы депрессии, космические программы, небесные тела, бактерии, вирусы и слизевики — каждый объект обладает изнанкой, которая ускользает от оптики наблюдателя. Большинство обитателей мира предпочитает держаться в тени: к примеру, говоря о пандемии, человечество не описывает ее с точки зрения бактерий, а акцентирует на действиях врачей, правительства, вакцины. Даже такая тотальность, как концепт темной материи, незаметного вещества, из которого состоит большая часть наблюдаемого космоса, не схватывает мысли, перцепции, ощущения — точки зрения самих объектов на мир, оставляя еще больше материала вне человеческой оптики. Нефиксированное, нелегальное население существовало всегда, становясь сюжетом философских размышлений. Любое описание старается найти удобную перспективу, из которой можно нарисовать картину с границами, объектами и четкими действиями.

Последние десятилетия предлагают сразу несколько теорий, затрагивающих проблему странности (*weirdness*) окружающего мира. Одна из них — «темная экология» (*Dark Ecology*), созданная Тимоти Мортонем. Наряду со спекулятивным реализмом, акторно-сетевой теорией и объектно-ориентированной онтологией, она пытается переосмыслить отношения между человечеством и окружающим миром, рассуждая о недостающей массе как о центральном концепте. Важно не то, чем является искомая масса: абсолют, глубинными свойствами объектов или технологиями, — важен сам поиск. Тимоти Мортон обращается к странности, показывая через нее сложность окружающего мира.

Темная экология начинается с войны против романтизма, господствующего в повседневности. Быть экологичным — значит быть открытым странностям окружения. Такие концепты, как Мир, Природа, Наблюдатель, не устраивают Тимоти Мортоня потому, что отделяют человека от окружающего пространства, делая последнее стабильным, фиксированным, описываемым, а следовательно, открытым политическому действию. Вычленив себя из природы, наблюдатель при-

обретает иммунитет, по крайней мере в сфере мысли. Теперь на его восприятие объекты не могут повлиять: они являются исключительно материалом и никогда — законами, по которым рассудок работает.

Картину мира повседневного романтизма построили первые землепашцы, присвоившие землю первобытными орудиями труда; рабочие фабрик, сжигавшие уголь и навеки изменившие состав атмосферы; писатели-романтики, создавшие повествование от третьего лица, наделившие природу смыслом; ученые проекта «Манхэттен», повлиявшие на геосферу следами ядерного оружия; экологические активисты, разработавшие правила поведения, предлагающие позаботиться о Земле. Мортон ставит под вопрос правильность данного развития, указывая на альтернативу — мир, где человек предельно вовлечен в окружающее пространство, не вынося ультимативных суждений о законах природы, но сосуществуя с нечеловеческими акторами. К темной экологии философ подходит с разных точек: описывая гиперобъекты¹; «заручившись» поддержкой Карла Маркса², Луи Альтюссера и Мартина Хайдеггера; обращаясь к современному искусству, игрушкам или популярной культуре.

В широком смысле философия Мортон — это стремление лишить человека божественной перспективы, низвести его с позиции уникального наблюдателя и, как следствие, законодателя к роли еще одного объекта горизонтального сосуществования. Что более важно — принудить его быть уязвимым перед окружающими влияниями, по сути отказавшись от права на действие. Мортон схватывает дух времени: он борется с человеческой исключительностью, говорит о плоскости и равенстве, но усиливает этот тезис, предлагая отказаться от права на действие в целом.

Кастинг объектов

Темная экология, впрочем, — это не только еще один манифест горизонтальности, но и проработанная онтология, содержащая сразу несколько заслуживающих внимания концептуальных решений, которым и посвящен данный блок. Авторы, не ограничиваясь текстами Мортон, задают вопрос, который темная экология так и не поднимает: если не онтология, то что? Темная экология приходит к тому,

1. Объекты, колоссально превосходящие человеческие способности восприятия. К примеру, период полураспада урана, в масштабах которого десятки миллионов лет — нормальный период существования, в то время как для людей такой временной промежуток представим только как абстрактная величина.
2. *Morton T. Humankind: Solidarity With Nonhuman People. Brooklyn: Verso Books, 2019.*

что нужно быть экологичным³ — воспринимать окружающие объекты инклюзивно, испытывать с ними солидарность. Встретившись однажды со странностью и сложностью мира, невозможно вернуться к догматичному существованию. Однако если попробовать применить эту логику, сразу появляется множество вопросов: как не травмировать не-человеков, учитывая, что никакого контакта с ними или понимания их модусов существования люди не имеют; каким будет действие в экологичном мире и возможно ли оно в принципе; как испытывать солидарность с не-человеками, в конце концов? Уходя от ответов на эти вопросы, Тимоти Мортон предлагает обратиться к искусству и таким образом получить достаточно релевантный опыт сосуществования. Проект Мортон — красивая метафора, которая не содержит теории действия; на уровне его тезисов быть экологичным — отказаться от действия вовсе. Возможно, это легитимный ход для теории, но тогда она замыкается сама в себе, отказываясь работать с такими сущностями, как политическое действие, коллективная солидарность, изменение климата, теория языка, урбанистика. Темная экология вынужденно обращается к призрачности, чтобы хоть как-то сохранить возможность действия в своем герметичном мире. Но едва ли такой мистический ход позволяет ответить на поставленные выше вопросы. Тексты этого блока обращаются к «неудобной» темной экологии, которая затрагивает объекты, исключаемые Мортонем из собственного мира; это попытка пересобрать его проект (сохранив базовые теоретические и этические интуиции) таким образом, чтобы он был применим к миру повседневности, а не только к объектам, прошедшим тщательный предварительный отбор. Именно поэтому речь идет об этике размытого мира, а не о темной экологии, которая здесь выступает объектом интереса, а не догмой.

Темная экология представлена в первую очередь корпусом текстов, созданных Тимоти Мортонем. Отсюда следуют две важные точки отсчета: метафоры, живущие собственной жизнью, и автор, испытывающий влияние других теоретиков, имеющий личную интеллектуальную историю. Об этих переменных пишут Степан Козлов и Алексей Воронков, чьи статьи открывают блок.

Степан Козлов в тексте «Сконденсируй, авторизуй, дестабилизируй это: мультиперспективизм и стратиграфия» анализирует то, как Мортон становится жертвой собственной речи. Провозглашая освобождение от иммунитета наблюдателя перед миром, родоначальник темной экологии продолжает пользоваться метафорами, которые начинают жить самостоятельно, выражая не только мысли автора. Ор-

3. Мортон Т. Стать экологичным. М.: Ad Marginem, 2019.

ганические метафоры Мортон перестают работать, как только природные объекты сменяются механизмами. Опираясь на работы Леви Брайанта и Иена Богоста, автор показывает, как подмена метафоры может привести читателя к иным выводам. Предлагая метод стратиграфии, заимствованный из геологии, автор рассматривает проект Мортон как набор концептуальных слоев, живущий независимо от создателя. Подобный подход, однако, поддерживает этот проект: несмотря на последовательную критику мортонской метафоры, он разделяет те же ценности — нестабильность, непредсказуемость, освобождение от человеческой каузальности. Теория метафоры действительно свидетельствует о том, что теоретическое развитие логики философа ограничено ее отправными точками (если, к примеру, вместо биологических метафор поставить антропогенные, то картина начинает меняться), но именно она показывает невозможность абсолютной власти даже над рукотворными объектами.

Есть несколько ключевых для Мортон источников: британский романтизм, американская пасторальная литература и деконструкция Жака Деррида. Первые два выражены наиболее явно, третьему уделяется небольшое внимание. Сам Мортон, впрочем, не скрывает степени своего подражания Деррида, говоря об этом открыто. Алексей Воронков в тексте «Темная экология между письмом и инаковостью» пытается показать, не как Мортон наследует Деррида, но, напротив, как темная экология находит свое место в отношении к деконструкции и континентальной философии второй половины XX века, выбирая другие подходы к поставленным ранее вопросам. Темная экология наследует концепт Другого как инаковости, но переносит его из мира текстов в мир объектов, пытаясь усадить Деррида за один стол с Хайдеггером, сближаясь с объектно-ориентированной онтологией Грэма Хармана. Алексей представляет проект Мортон как попытку описать наступившую, а не грядущую демократию (как Мессия, который не должен прийти, а уже появился). Вместо того чтобы впадать в одну из крайностей — рационального или безумного, предлагается найти их способ сосуществования. Деконструкция позволяет увидеть эти вопросы, которые сам Мортон прячет на второй план, либо обращая внимание на монструозные гиперобъекты, либо сводя этическое действие к неопределенным формулировкам: «быть экологичным», сосуществовать с объектами.

Город — близкий, стабильный, рукотворный и обжитой человеком объект. Территория, которую принято считать своей. Странности (*weirdness*) урбанизированной среды — как дикие лисы в центре Лондона — воспринимаются наиболее болезненно, потому что подрывают чувство дома, основу стабильного опыта. Полина Ханова в тексте

«Темные города: темная экология и *Urban Studies*» рассказывает о нескольких темных сторонах городского пространства, ставящих под вопрос не только классический опыт проживания в городе, но и методы его изучения. Захватчики, инородные сущности выползают посреди цивилизованного мира — будь то городская природа, инфраструктура, ночное время суток или топофобия. Но, кроме них, существуют и лазутчики в сфере мысли о городском — другие исследовательские методы, предлагающие вместо визуального описания звуковые, тактильные практики освоения пространства. Визуальное классифицирует и структурирует пространство, создавая искусственный порядок, накладывая сетку на разрозненные объекты. Но что-то всегда остается за рамкой стройного описания — его можно найти, обратившись к темной стороне урбанистики, не пытаясь зафиксировать город в своей полноте, но, напротив, пытаясь осмыслить сосуществование с городом, который всегда оказывается наполнен чем-то еще.

Темная экология Тимоти Мортон старается дистанцироваться от политического, но, затрагивая климатическую проблематику, вынуждена соприкоснуться с ним. Даниил Аронсон в тексте «Климатическая неопределенность и подсветка для темной экологии» показывает, какой могла бы быть политическая теория, возьми она за основу интуиции темной экологии. В первую очередь речь идет о том, как мыслить политическое действие в мире неопределенности. Именно непредсказуемость любых последствий и действий, раскрываемая проектом Мортон, делает проблематичным описание коллективных практик и процесса принятия решений. Так как исключается каузация как элемент уверенности и стабильности любого порядка, исключается и возможность достоверной предсказуемости последующих действий, что осложняет стабильное существование. Таким образом, вместо политической философии темная экология предлагает нестабильную, где явной возможности предсказать какие бы то ни было последствия нет, а значит, встает вопрос о том, какой может быть политика такого мира. Для Аронсона ответ видится в расширении этического потенциала мортонской экологии на демократию: коллективные решения в мире, где каждый актер не может быть до конца уверен в собственных действиях. Индивидуальная этика становится, таким образом, частью процесса коллегиального принятия решения, так как только к ней каждый из участников имеет доступ. Сосуществование здесь — способ принятия решения в ситуации коллективной неопределенности.

Политическое может быть не только объектом, но и сущностью экологического проекта. Моя статья «И целого мира мало: политическое темной экологии» показывает, насколько экология Мортон яв-

ляется политической сама по себе — как в теоретических рамках, так и в процессе отбора объектов для описания. Если для Тимоти Мортон политизация темной экологии проблематична, то автор данного текста показывает, как из нее можно извлечь начало разговора об этике. Каким станет мир индивидуальных акторов, которые попробуют действовать не исходя из категорий заботы или обеспокоенности, но в логике игры, интереса и принятия — размытых границ и нестабильности природы. Автор предполагает, что политическое действие не обязательно должно быть построено на избегании определенных последствий, пусть даже на уровне онтологии, но, напротив, должно быть построено на принятии любых возможных вероятностей как равноценных. Это рассуждение, как и предыдущие, предлагает свою этику взамен устойчивых онтологических проектов.

Никита Сазонов в статье «Ковш спекуляции: к геологии токсичного Абсолюта» поднимает вопрос Абсолюта как необходимого элемента некоторых онтологических проектов, ставшего предметом дебатов для части современной спекулятивной мысли. Речь идет в первую очередь о Квентине Мейясу как об авторе, возродившем вопрос возможного существования Абсолюта, по крайней мере в рамках спекулятивного поворота. Никита Сазонов акцентирует внимание на том, перед какими проблемами ставит спекулятивную философию сама возможность Абсолюта, даже как гипотетического элемента философской теории. Для автора это что-то вроде наркотика, что, в свою очередь, демонстрирует возможность привыкания и центрирования мысли вокруг непродуктивного концепта Абсолюта. При этом он говорит не о настоящем Абсолюте, который был бы, скорее, чем-то невозможным для человеческого опыта, а об абсолюте фальшивом, включенном в теоретические построения. Такой концепт вынуждает работать мысль вхолостую, повторяя одну и ту же схему по встраиванию абсолютного в центр онтологического проекта. Именно поэтому предлагается сосредоточиться на поиске настоящего, жуткого, а не теоретического Абсолюта. Онтология снова ставится под вопрос, так как проблематизируется один из ключевых ее элементов — абсолютное основание.

Тимоти Мортон исправляет баги таких авторов, как Маркс, Альтюссер или Хайдеггер. Авторы блока «Философия размытого мира» попытались исправить баги у самого Мортон, показав другие возможности проекта темной экологии, предлагая новые формы мысли и существования. Тьма и свет не обязательно должны воевать друг с другом — они могут рождать причудливые узоры и тени, подсказывающие дверь в другой мир или к другому модусу существования.

Александр Вилейкис